МАРИНА ИККЕС

ВЕРА МИХАИЛА

Марина Иккес
Вера Михаила

https://litres.ru/74945784
SelfPub; 2026

Аннотация

Молчаливый механик и студент-психолог, который даже в шумной аудитории держится особняком. Девушка, мечтающая растить сады и верить, что любая земля отвечает добром на заботу. Вера думала, что сумела отогреть Михаила — и даже его суровая бабушка из глухого Заозёрья постепенно приняла её.

Но в доме на краю соснового бора свои законы: здесь сверяют жизнь по фазам луны, а чёрное озеро не замерзает даже в лютую стужу. Впереди свадьба и новая жизнь, но у рода Михаила есть прошлое, от которого не отмахнуться здравым смыслом — и совсем скоро Вере придётся узнать, в какую семью она вошла на самом деле.

Самостоятельная история из вселенной романа «Два проклятия».

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Марина Иккес
Вера Михаила

Глава 1

Вера бежала через институтский двор, сметая носками кроссовок мокрые жёлтые листья. Сентябрьский ветер с Северной Двины пах речной тиной и близкими заморозками; он швырял выбившиеся из шарфа каштановые пряди прямо в лицо, заставлял щуриться и напрочь сбивал дыхание. До начала первой в её жизни университетской пары оставалось две минуты.

Тяжёлая, разбухшая от северной сырости дубовая дверь главного корпуса поддалась не сразу. Вера налегла на неё всем телом, упёршись ладонью в холодный латунный поручень, но в ту же секунду ручку с обратной стороны резко рванули на себя.

Створка легко ушла внутрь. Потеряв опору, Вера беспомощно качнулась вперёд, в пустоту — и тут же уткнулась ладонями в плотную ткань чужой куртки. Её перехватили за локоть. Крепко, не дав проехаться носом по каменным плитам вестибюля.

— Осторожно.

Голос у парня оказался глубоким и низким, без той под-

ростковой ломкости, какая ещё встречалась у её вчерашних одноклассников. Вера вскинула голову: высокий, широкоплечий, в простой тёмной куртке поверх серого свитера и с совсем короткой, почти армейской стрижкой. Спокойные тёмные глаза смотрели сверху вниз внимательно и серьёзнее, чем полагалось в восемнадцать лет.

— Спасибо, — выдохнула она, торопливо перехватывая сползший с плеча ремень тяжёлой сумки с тубусом. — Извини, я под ноги смотрела…

— Бывает. — Он отступил на полшага, придерживая тяжёлую дверь плечом и пропуская её в прохладный полутёмный холл. — Тут в первый день все углы сшибают.

Вера благодарно кивнула, проскочила внутрь и через две ступеньки взлетела по гулкой мраморной лестнице на второй этаж.

В двести двенадцатой аудитории стоял тот особенный, взбудораженный гул, какой бывает только первого сентября. Первокурсники жались к стенам, громко смеялись от нервного напряжения и делили места. Вера протиснулась к среднему ряду у самого окна, стянула промокшую на ветру ветровку и только тогда заметила, что на соседнюю скамью позади, опускается тот самый парень.

Он положил перед собой тонкую общую тетрадь, одну-единственную шариковую ручку без колпачка и прищурился, разглядывая исписанную мелом доску, к углу которой кривой полоской скотча был прилеплен отпечатанный спи-

сок групп.

Его густая бровь поползла вверх:

— Мы, кажется, оба не туда попали.

Вера повернулась к нему, проследив за его взглядом:

— Почему? Тут же написано «поток А»…

— Поток «А» вчера перенесли на третий этаж. А здесь сейчас общая лекция. Ты с какого факультета?

— Ландшафтный дизайн. Лесотехнический.

— А я с психологии, — он коротко, скупо усмехнулся. — Значит, точно перепутали. Но уходить поздно — вон преподаватель идёт.

Как выяснилось через пять минут, вводная лекция по истории Русского Севера в тот день действительно объединила три разных потока, так что выгонять их никто не стал. Пока пожилой профессор монотонно бубнил у кафедры, Вера скосила глаза на соседа. На обложке его тетради ровным, твёрдым почерком с сильным нажимом было выведено: «Романов М. Н.».

Его звали Михаил.

Первые недели сентября пронеслись в бестолковом первокурсном водовороте: менялись расписания, терялись переходы между старым и новым корпусами, а преподаватели казались одинаково неприступными. Вера нырнула в эту новую, взрослую жизнь с головой — в первую же неделю записалась в студенческий вокальный ансамбль и турклуб, оставалась после пар рисовать стенгазеты и мгновенно обросла

десятком приятелей.

Михаила в этих шумных компаниях почти не видели. Он не стоял на крыльце с сигаретой в перерывах, не спорил с преподавателями и не ходил на первые общажные посиделки с дешёвым вином и гитарой. Если он случайно и оказывался там, где собирался курс, то всегда держался у самого выхода, привалившись плечом к косяку, и уходил первым — незаметно, ни с кем не прощаясь.

— Ты на него уже четвёртый раз за обед косишься, — Оля, бойкая рыжеволосая соседка Веры по комнате в общежитии, ощутимо пихнула её локтем под столом. — Шею свернёшь. Признавайся давай.

— Ничего я не кошусь, — Вера торопливо спрятала вспыхнувшие щёки за гранёным стаканом с компотом. — Просто он странный какой-то. Взрослый слишком. Не как наши мальчишки.

— Ага, плавали, знаем твои «не как остальные», — фыркнула Оля, наматывая на вилку макароны. — На той неделе про старшекурсника с гитарой то же самое пела. Только к этому Романову лучше не подступайся, Вер. Замороженный он какой-то. Девчонки с его группы пробовали заговорить — смотрит сквозь тебя, как через пустое стекло.

В общежитии про него и правда говорили разное. Через пару дней Оля, вернувшись из общей кухни с дымящейся сковородкой жареной картошки, понизила голос:

— Мне Светка с деканата рассказала. У твоего Романова

в позапрошлом году родители насмерть разбились на трассе под Няндомой. Лесовоз в гололёд на встречку вынесло. Он совсем один остался, только бабка где-то в глухой деревне в лесу. Потому и смотрит волком.

Вера тогда промолчала, только вилка в пальцах показалась вдруг тяжёлой и холодной. С того дня она невольно стала замечать то, мимо чего раньше скользила взглядом: как Михаил в гулкой институтской столовой всегда выбирает угловой столик спиной к глухой стене, чтобы видеть весь зал; как на общих семинарах сидит молча, не поднимая руки, но если преподаватель обращается прямо к нему — отвечает чётко, по существу и не по учебнику; и как ровно в четыре часа, едва звенит звонок с последней пары, он быстро закидывает ремень сумки на плечо и уходит быстрым, размашистым шагом в сторону окраины, к старому судоремонтному заводу.

В середине октября Вера просидела над чертёжной практикой по топографии до самых сумерек — тушь трижды размазывалась под рейсфедером, и ватман пришлось переделывать заново. Когда она наконец сбежала по пустой лестнице на первый этаж, за стеклянными дверями вестибюля уже стояла непроглядная осенняя тьма. С неба обрушивался ледяной, косой ливень пополам с крупой, а её складной зонтик, как назло, остался лежать на тумбочке в общежитии.

Вера стояла на верхней ступеньке крыльца, зябко кутаясь в тонкий шарф и прикидывая, за сколько секунд она про-

мокнет до нитки по дороге к трамвайной остановке, когда за спиной хлопнула дверь и раздался знакомый низкий голос:

— Тебе куда?

Она обернулась. Михаил стоял в полушаге, спокойно растёгивая хлястик на огромном чёрном зонте-трости.

— На Урицкого, в общагу. Да я перебежками проскочу, тут дворами минут пятнадцать…

— Под таким ливнем не проскочишь, а доплывёшь, — возразил он. Над их головами с глухим хлопком натянулся широкий чёрный купол. — Идём. По пути.

Вера помедлила, хмыкнула и шагнула к нему под зонт.

Чтобы ледяные струи не захлёстывали с боков, идти пришлось совсем близко, прижавшись плечом к его плечу. От плотного сукна его куртки пахло табаком и сосновым мылом. Мимо с шипением проносились редкие машины, разбрызгивая колёсами чёрную воду, в которой дробились жёлтые пятна уличных фонарей.

Первые полквартала они шли молча — только дождь яростно барабанил по зонту над головой.

— Слушай… — Вера первой нарушила тишину, искоса поглядывая на его сосредоточенный профиль. — Я всё хотела спросить. Психология. Почему парень вообще идёт на такой факультет? Там же одни девчонки.

Михаил убавил шаг, подстраиваясь под неё и обходя глубокую выбоину в асфальте.

— Хотел понять, как внутри всё устроено. Почему люди

делают то, что делают, — ответил он после короткой паузы. — Особенно когда со стороны их поступки кажутся дикостью или безумием. У всего ведь есть свой механизм. Своя поломка.

— И что, получается видеть эти поломки?

— Иногда. Только не всегда от этого легче.

— Почему?

— Потому что чаще всего причина оказывается слишком простой и слишком страшной. Люди ломаются, когда груз оказывается не по плечам. А знание… оно не всегда лечит, Вера. Иногда оно просто давит к земле.

Он говорил просто, без рисовки, но в этой фразе прозвучала такая взрослая, невыдуманная усталость, что Вере стало не по себе. Она подняла глаза и заметила, что Михаил незаметно наклонил трость зонта в её сторону: над ней было сухо, а его левое плечо и рукав до самого локтя уже потемнели и набухли от воды.

— Миш, ты же сам насквозь вымокнешь, — она взялась пальцами за деревянную ручку зонта, выше его ладони, и подтолкнула купол к середине.

— Переживу. Куртка плотная.

— Не спорь. Подвинься ближе, места двоим хватит.

Он не отстранился, когда её пальцы случайно скользнули по его костяшкам, только коротко посмотрел на неё сверху вниз — и в тёмных зрачках на миг отразился тёплый свет витрины булочной.

Они остановились у облупленного крыльца пятиэтажного общежития. Под козырьком было сухо и пахло жареным луком из подвальных отдушин.

— Спасибо, что довёл, — сказала Вера, не спеша браться за холодную ручку двери.

— Не за что. Завтра у вас пары во сколько заканчиваются? Если опять зарядит — встречу у главного.

— В три. А если дождя не будет?

Он улыбнулся — редко и по-настоящему, и его суровое лицо сразу стало моложе и мягче:

— Тогда просто так провожу.

С этого октябрьского вечера негласная игра в «случайные встречи» в коридорах закончилась. Михаил ждал её после лекций на каменном парапете у входа, а Вера занимала ему место за своим столом в столовой, игнорируя многозначительные переглядывания Оли. Оказалось, что с ним удивительно легко не только разговаривать, но и молчать. Вера взахлёб рассказывала ему про свой маленький леспромхозовский посёлок, про шумных младших сестёр, про отца, который всю жизнь проработал мастером на лесопилке, и про то, как в детстве спасала замерзающие яблони в школьном саду.

— Растения ведь никогда не притворяются, — говорила она, пока они сидели на продуваемой скамейке на набережной, деля на двоих горячий пирожок в промасленной бумаге. — Им даёшь свет, воду и тепло — они тянутся вверх.

Бросишь — высохнут без единого звука. С людьми куда запутаннее.

— С людьми точно так же, — возразил Михаил, глядя на свинцовую рябь Двины. — Просто люди, когда им больно, не сохнут молча, а начинают колоться или врать. Надо только смотреть не на слова, а на корни.

— Ну вот и отлично, — рассмеялась Вера, дуя на замёрзшие пальцы. — Значит, поделили мир поровну: тебе — чужие корни в голове, а мне — настоящие, в земле.

В середине ноября Михаил внезапно исчез на три дня — не пришёл ни на общую философию, ни к крыльцу корпуса. Мобильные телефоны тогда были редкостью, вахтёрша в мужском общежитии буркнула, что Романов там давно не живёт и снимает угол в частном секторе, и Вера, недолго думая, после пар отправилась на окраину, к судоремонтному заводу, куда он уходил каждый вечер.

Пройдя мимо продуваемого ветром заброшенного стадиона и бетонного забора с колючей проволокой, она разыскала длинный приземистый кирпичный бокс с вывеской «Авторемонт». Из приоткрытых железных ворот тянуло тяжёлым духом бензина и отработанного масла.

Михаил в старой вылинявшей робе стоял по пояс под открытым капотом вишнёвых «Жигулей», перепачканный чёрным мазутом до самых локтей.

— Миша? — позвала Вера с порога, переступая через резиновый шланг.

Он резко выпрямился, едва не приложившись затылком о капот, и замер с гаечным ключом в руке.

— Вер? — Он торопливо схватил с верстака кусок ветоши, безуспешно пытаясь оттереть чёрные пальцы. — Ты как здесь оказалась? Замёрзла же вся.

— Ты три дня в институте не появлялся, — просто сказала она, подходя ближе. — Я испугалась, что с тобой что-то случилось.

Михаил смотрел на неё пару секунд так, словно не сразу поверил в смысл этих слов — будто за последние годы он вообще отвык от мысли, что кто-то в этом городе может искать его и тревожиться.

— Палыч, хозяин бокса, с радикулитом слёг, — объяснил он, виновато опуская плечи. — А тут две машины срочные, двигатели разобраны. Если не сдать в срок, неустойку повесят. Прости. Надо было сбегать к корпусу, предупредить.

Он принёс из каморки чистую телогрейку, расстелил её поверх перевёрнутого деревянного ящика у тёплой буржуйки, усадил Веру и поставил перед ней эмалированную кружку с крутым кипятком и рафинадом. А потом ещё сорок минут, ловко перебирая на промасленной тряпице жиклёры и пружинки, спокойно и обстоятельно объяснял ей устройство карбюратора. Вера ничего не смыслила в железках, но не сводила глаз с его рук — крупных, с широкими запястьями и сбитыми костяшками, которые двигались с удивительной, завораживающей точностью.

— Ты когда с мотором возишься, у тебя даже лицо другое становится, — заметила она, грея ладони о кружку. — Спокойное совсем.

— Тут всё честнее, чем у людей, — Михаил отложил отвёртку и вытер руки ветошью. — У каждой машины, конечно, свой характер имеется, и душа у старого мотора иной раз в такие потёмки прячется, что не сразу сыщешь. Но железо хотя бы не врёт. Заботишься о нём — оно тебя из любой передряги вывезет. Совсем как твои сады.

Вера поставила кружку на край верстака, поднялась с ящика, шагнула к нему вплотную и просто взяла его тяжёлую, пропахшую соляркой и холодом ладонь в свои чистые, тёплые руки.

— Испачкаешься же, — выдохнул он, но руку не отдёрнул — замер, глядя на их переплетённые пальцы.

— Отмоюсь, — прошептала Вера.

Михаил медленно выдохнул и сжал её ладонь — осторожно, боясь сделать больно, но так крепко, словно держался за край спасательного круга.

В декабре они вместе пережили первую зачётную неделю, а на новогодние каникулы Вере пришлось уехать к родителям в область. Михаил остался в Архангельске — отрабатывать смены в боксе за двойную ставку. В новогоднюю ночь, когда за заиндевевшим окном его крошечной съёмной комнатушки грохотали чужие петарды и рассыпались зелёные искры салютов, он сидел один за покрытым клеёнкой сто-

лом перед тарелкой остывших пельменей. На краю стола лежал подержанный кнопочный «Сименс», который они с Верой купили на двоих с его декабрьской премии, чтобы держать связь. Ровно в полночь Михаил набрал короткое сообщение: «С Новым годом, Вер. Очень скучаю».

Экран вспыхнул ответным синим светом меньше чем через минуту: «И я скучаю. Считаю дни. Скоро приеду».

Когда в середине января она вернулась с каникул, то прямо с поезда притащила ему в мастерскую литровую банку густого маминого варенья из малины и пару тёплых шерстяных носков. Они сидели в тесной каморке Палыча под гудение обогревателя, пили чай из одной чашки, и Михаил впервые посмотрел на неё без той привычной настороженной брони:

— Знаешь, эти полгода… — он запнулся, подбирая слова. — Я до сентября думал, что так всегда и будет — как за глухой стеной. Ты очень важна для меня, Вер.

— И ты для меня, Миша, — шепнула она, касаясь губами его колючей щеки.

К весне они уже не представляли дня друг без друга. Гуляли по пустынной набережной в первые прозрачные белые ночи, когда свинцовая вода Двины сливалась с перламутровым, бездонным небом, а с реки тянуло свежим ледоходом. Когда в апреле Вера зашивалась со сложнейшим курсовым проектом по геодезии и рельефу, Михаил две ночи напролёт просидел с ней в читальном зале, по линейке перечерчивая тушью её карандашные схемы дренажных систем.

В конце мая, когда они сидели на нагретых солнцем деревянных мостках у пристани, Вера заметила, как Михаил вдруг замолчал на полуслове, уставившись в тёмную речную воду тяжёлым, отсутствующим взглядом.

— Ты иногда так смотришь на воду, будто там на дне что-то спрятано, — заметила Вера, кладя голову ему на плечо. — О чём ты сейчас думаешь?

Михаил вздрогнул, словно выныривая из глубокого сна, и перевёл взгляд на дальний левый берег:

— Дом вспоминаю. Заозёрье. У нас там озеро лесное за деревней, круглое и чёрное, как зеркало. И бабушка Лидия одна в старом доме. Там время совсем по-другому течёт.

— Скучаешь по ней?

— Скучаю. И тревожно за неё, — он помолчал, сжимая пальцами деревянный край перил. — Она человек непростой, со своими правилами. Я тебя обязательно к ней свожу, Вер. Только чуть позже. Когда сам пойму, как всё правильно устроить.

— Хорошо, — Вера легко улыбнулась, переплетая свои пальцы с его пальцами. — Я никуда не тороплюсь. Поедем, когда скажешь.

В середине июня Вера уезжала на месяц в областной лесной питомник на летнюю практику. Михаил провожал её на старом городском автовокзале, забив всю заднюю полку автобуса её сумками и пакетами с продуктами.

— Смотри мне, ешь нормально, не на одних бутербродах

в своей мастерской, — строго наказывала она на прощание, обнимая его за шею на продуваемом перроне. — И высыпайся хоть иногда.

— Есть, товарищ бригадир, — усмехнулся он, утыкаясь лицом в её пахнущие летним ветром и ромашкой волосы.

Старый «Икарус» тяжело вздохнул пневматикой, качнулся и выкатился с перрона, обдав асфальт сизым солярным дымом. Михаил ещё долго стоял у края платформы, засунув руки в карманы джинсов, пока пыльная корма автобуса не растворилась в мареве за поворотом. Внутри больше не было той вымораживающей пустоты, с которой он жил после гибели родителей: впервые за долгие годы он чувствовал, что не один в этом мире: он просто ждал домой свою женщину.

А автобус уже летел по пригородному шоссе — мимо покосившихся дачных штакетников, ярко-зелёных июньских лугов, заросших молодым клевером, и тёмных стен векового соснового бора. Вера сидела у окна, прижавшись виском к прохладному вибрирующему стеклу, и улыбалась своим мыслям — о чертежах, о запахе машинного масла на тёплых мужских ладонях и о Мише — рядом с ним ей больше ничего не было страшно.

Глава 2

Старенький рейсовый ПАЗик надрывно завывал двигателем на песчаных подъёмах, нещадно трясся на выбоинах, и пах нагретым дерматином и бензином. Вера сидела у окна, придерживая на коленях увесистый рюкзак с городскими гостинцами. За пыльным стеклом давно остались позади серые окраины Архангельска и выгоревшие за лето поля; теперь с обеих сторон просёлка сомкнулась зубчатая, глухая стена соснового бора. Между мелькающими медными стволами то и дело вспыхивала на солнце тёмная, глубокая вода.

— Далеко ещё? — спросила Вера, поворачиваясь к Михаилу.

— Минут пятнадцать осталось, — Михаил сидел рядом, неестественно выпрямив спину и вцепившись пальцами в металлический поручень переднего сиденья. Указательный палец правой руки мерно, с сухой дробью выстукивал по обшивке нервный, рваный ритм.

Вера накрыла его напряжённую кисть своей ладонью:

— Миш, у тебя руки ледяные. Ты чего? Будто на расстрел едешь, честное слово.

Михаил с усилием опустил плечи и шумно выдохнул, но взгляда от окна не отвёл:

— Почти что на экзамен. Бабушка… она для меня самый главный человек из тех, кто остался, Вер. Мне очень нужно,

чтобы вы поладили.

— Ну конечно поладим, — Вера мягко улыбнулась, потянув его за пальцы. — Я не белоручка, воды из колодца принесу, грядки прополоть помогу. Куда она денется? Я вообще всем бабушкам нравлюсь.

Он лишь кривовато усмехнулся углом рта:

— Ты просто бабу Лиду ещё не видела. Расскажи я кому в городе — не поверят. Она тебе ни пирожков с порога в рот совать не станет, ни причитать, ни на поясницу жаловаться. Молчит часами, а если скажет слово — как гвоздь по самую шляпку вгонит. Людей с первой минуты насквозь просвечивает, будто рентгеном.

— Прямо ведунья из сказки, — пошутила Вера.

— Не из сказки. Просто жизнь у неё такая была… тяжёлая, — Михаил сглотнул и сжал зубы. — Когда родителей под Няндомой не стало, мне шестнадцать было. Меня хотели в интернат забрать — думали, куда старухе под восемьдесят подростка тянуть. А она в отдел опеки пришла, кулаком по столу припечатала так, что чернильница подпрыгнула: «Внука не отдам, сама подниму». И подняла. Всё мне заменила. Я перед ней в неоплатном долгу, Вер.

— Значит, я тем более должна сказать ей за тебя спасибо, — мягко проговорила Вера, теснее прижимаясь к его плечу.

Михаил коротко кивнул. В этот миг автобус вынырнул из лесного коридора на высокий косогор, и за окном во всю ширь распахнулась озёрная гладь — огромная, круглая,

неподвижная, отливающая на палящем августовском солнце густой, почти дегтярной чернотой.

От автобусной таблички на обочине в глубь леса вела узкая грунтовая колея. Под подошвами кед мягко курилась тёплая серая пыль, а воздух был таким густым и настоящим, что после города с непривычки кружилась голова: пахло нагретой смолой и сухим иван-чаем. Заозёрье встретило их оглушительной тишиной — ни гула трассы, ни голосов, только кузнечики сухо трещали в бурьяне да где-то на дальнем конце улицы глухо брякнула железная цепь колодца.

Деревня казалась почти вымершей: вдоль дороги темнели заколоченные крест-накрест ставни брошенных изб с провалившимися крышами, заросшие по самые окна крапивой и лопухами. Лишь у второго от края двора, за покосившимся штакетником, на бельевой верёвке парусили на ветру ослепительно белые простыни. Невысокая полная старушка в выцветшем ситцевом платке застыла у таза с деревянной прищепкой в зубах, прикрывшись от солнца сухонькой ладошкой.

— Господи боже… Мишенька? Ты, что ль, соколик?! — Она выронила прищепку в мокрое бельё и всплеснула руками. — Вот радость-то привалила! С самой зимы глаз не кажет, я уж грешным делом думала — совсем ты нас, стариков, на свой город променял!

— Здравствуйте, тётя Клава, — Михаил шагнул к калитке и бережно обнял соседку за сутулые плечи. — Куда ж я от

вас денусь. Сессия была, потом практика, не вырваться было.

— Знаю я вашу практику, похудел-то как, одни скулы остались! — любопытные, живые глазки старушки тут же стрельнули поверх его плеча, цепко оглядывая Веру от макушки до кед. — А это что за ягодка с тобой?

— Знакомьтесь. Это Вера, — Михаил отступил на полшага, притягивая Веру к себе за талию, и в его низком голосе вдруг прорезалась такая открытая, тёплая гордость, что у Веры радостно ёкнуло сердце. — Моя невеста.

— Ой, дождались наконец! — тётя Клава снова всплеснула руками, расплываясь в беззубой улыбке. — А то Лидия твоя с весны как каменная ходит, слова не вытянешь, только знай двор метёт да на дорогу глядит. Здравствуй, Верочка, здравствуй, хорошая. Ладная какая девка, светлая, румяная — прямо глаз отдыхает!

— Здравствуйте, тётя Клава, — улыбнулась Вера.

— Отец-то твой, Мишенька, Коля младший, царствие ему небесное, ведь точь-в-точь такую же хохотушку тридцать лет назад сюда из города привёз, — вдруг вздохнула соседка, и голос её сразу осел, подёрнувшись давней деревенской печалью. — Мать твоя, Леночка, бывало, выйдет за калитку — вся так и светится, как солнышко весеннее… Жить бы да радоваться, кабы не та дорога проклятая…

Вера почувствовала, как рука Михаила на её талии мгновенно превратилась в камень. Лицо его закрылось, взгляд застыл.

— Спасибо на добром слове, тётя Клава. Пойдём мы, бабушка ждёт.

— Идите, родные, идите, заждалась уже старая, — спохватилась Клава, осекаясь. — На обратном пути ко мне заверните, я шанежек с черникой напекла!

Они двинулись дальше по заросшей подорожником колее. Вера молча перехватила его ладонь и крепко сжала пальцы, пережидая, пока сойдёт спазм с его напряжённых плеч.

— Добрая она, — вздохнула Вера. — Только одиноко ей тут, наверное.

— Она отца ещё мальчишкой помнит, — отозвался Михаил. — Тут от всей деревни теперь только два жилых двора и осталось — Клавин да наш. Остальные кто помер, кто к детям в Котлас да в Архангельск подался. Зимой вообще дорогу заметает так, что неделями автолавка не ходит.

Дом Романовых стоял на самом отшибе, там, где деревенская улица упиралась прямо в сумрачную стену векового ельника. Рубленый из могучих, почерневших от северных дождей и времени брёвен, на высоком подклете, с крутым крыльцом и крышей, поросшей по скату бархатным изумрудным мхом, он казался вросшим в землю намертво, как валун. Зато палисадник перед домом полыхал буйным августовским разноцветьем: старые узловатые яблони клонились к земле под тяжестью тёмно-бордовых плодов, а вдоль дорожек, вперемешку с укропом и смородиной, густо цвели шапки фиолетовых флоксов, рыжие бархатцы и первые осенние

астры.

Вера остановилась у калитки, невольно затаив дыхание:

— Миша… Да тут же настоящий старый сад. Живой совсем. Как на старых картинах.

— Обычный деревенский огород, — буркнул он, но взгляд его потеплел. — Бабушка сама за ним ухаживает. Никому не доверяет.

Он снял железную петлю с колышка и толкнул калитку. Короткий, ржавый скрип разрезал лесную тишину — и тяжёлая тесовая дверь на высоком крыльце тут же распахнулась, словно за окном уже давно стояли и ждали этого звука.

На верхнюю ступеньку вышла женщина.

Вера запнулась на полушаге, потому что все её представления о «деревенской старушке под восемьдесят» разлетелись в прах. Женщина стояла выпрямившись, прямая и жилистая, как корабельная сосна, с туго стянутыми на затылке в тяжёлый узел совершенно белыми, снежными волосами. Ни старческого горба, ни шаркающей походки, ни трясущихся рук. Она спустилась с крутого крыльца легко и бесшумно, ступая по каменным плиткам дорожки твёрдо, и только сетка глубоких, словно резцом выбитых морщин на скуластом лице да пронзительные, бездонно-тёмные глаза выдавали её настоящий век.

— Ну наконец-то явился, — произнесла она вместо приветствия. Голос оказался низким, грудным, без единой дребезжащей старческой нотки. — Я уж думала, до белых мух

в городе прятать станешь.

Михаил сбросил рюкзак в траву у крыльца, в два широких шага преодолел дорожку и обнял её — удивительно бережно, словно боялся сжать лишнего, но с такой неподдельной сыновней нежностью, какой Вера в нём ещё не видела.

— Обещал же, что в августе приедем, баба Лида.

— Обещал он, — она чуть отстранила его за плечи, вглядываясь в похудевшее лицо внука. — С прошлой осени обещал.

А затем её тяжёлый взгляд переместился на Веру. Девушке на миг показалось, что к её лицу прикоснулись прохладной ладонью — так физически ощутимо эти тёмные глаза взвесили её всю: от румянца на щеках до сцепленных в замок пальцев.

— Здравствуйте, — Вера постаралась улыбнуться как можно открытее. — Я Вера.

— Вижу, что не Марфа, — без обиняков встретила её хозяйка, но в уголках её строгих губ не было злости. — Лидия Петровна. Можешь бабой Лидой звать, не убудет. Чего посреди двора столбами встали? В избу ступайте, с дороги-то.

Она круто развернулась и пошла вверх по ступенькам, даже не проверив, идут ли они следом.

— Она всегда так встречает? — одними губами шепнула Вера, когда Михаил поднял с травы их рюкзаки.

— Это она ещё в прекрасном настроении, — вполголоса отозвался он, усмехнувшись. — Не бойся. Если сразу от по-

рога не завернула — значит, приглянулась.

По дороге к крыльцу Вера не удержалась и замедлила шаг у пышной куртины флоксов, где посреди породистых цветов преспокойно колосился зонтичный укроп и голубел дикий цикорий. На верхней ступеньке Лидия обернулась через плечо:

— Чего засмотрелась? Порядка городского не хватает?

— Наоборот, — искренне покачала головой Вера. — Очень красиво. Нас в институте учат всё по шнурку да по сетке высаживать, а у вас тут одно за другое держится, будто лес сам в палисадник пришёл.

— Земля не бумага, на ней линейкой не чертят, — наставительно заметила Лидия, открывая дверь в сени. — Трава сама знает, рядом с каким корнем ей теплее зимовать. Главное — человеку со своим уставом не лезть, куда не просят.

В просторной горнице стоял густой дух сушёного чабреца и старого дерева. Под низкими матицами потолка на льняных нитках сушились аккуратные веники зверобоя, мяты и горькой полыни. В красном углу под вышитым рушником темнели старые, почерневшие от времени доски икон, а посреди комнаты стоял вековой скобленый стол из толстых сосновых плах.

— Мойте руки да за стол садитесь, — скомандовала Лидия, уходя за ситцевую занавеску к большой русской печи. — Щи в чугунке не остыли ещё.

Ополоснув лицо ледяной колодезной водой из медного

рукомойника, Вера прошлась вдоль бревенчатой стены в простенке между окнами, где в простых деревянных рамках под стеклом висели старые фотографии. На одной, уже цветной, смеялись совсем молодые мужчина с открытым, удивительно похожим на Мишино лицом и светловолосая женщина в синем плаще на фоне речного парохода.

— Папа с мамой, — пояснил Михаил, встав за её спиной. — За год до того, как я в школу пошёл.

Рядом висел другой снимок — старый, серебристо-чёрный, с фигурными зубчатыми краями. На нём плечом к плечу сидели молодая Лидия с двумя тугими, чёрными как вороново крыло косами и широкоплечий, кряжистый мужчина в глухо застёгнутой гимнастёрке, со спокойным, грустным прищуром светлых глаз.

— А это бабушка с дедом Николаем, — добавил Михаил.

— Какая она здесь… — прошептала Вера, не в силах оторвать взгляда от лица молодой Лидии: та же точёная прямая спина, тот же тяжёлый, знающий что-то не по годам взгляд тёмных глаз. — Очень красивая пара.

— Хороший был мужик Николай, — раздался от печи ровный голос Лидии; она вышла, придерживая полотенцем глиняную миску с парящей картошкой. — Надёжный. Из тех, что слово скажут — топором не вырубишь. Давно уж на погосте за ручьём лежит.

Она сказала это совершенно буднично, без женского причитания или слезы в голосе, но Вере вдруг стало зябко —

будто от этого старого снимка в раме пахнуло ледяной, стоячей водой.

И тут её взгляд зацепился за странный листок плотной пожелтевшей бумаги, приколотый портновской булавкой прямо к бревну у крайнего окна, среди сухих пучков мяты. На листе не было ни цифр, ни печатных букв — только ровные ряды кружков, тщательно выведенных чёрной тушью: от пустых контуров и узких серпов до сплошь залитых густой чернотой дисков, возле которых тонким пером стояли какие-то короткие галочки и чёрточки.

— Ой, а это что за схема такая? — с любопытством спросила Вера, делая шаг к окну. — Похоже на фазы луны…

— Лунник это, — Лидия даже не повернула головы, расставляя на столе расписные деревянные ложки. — По Луне огород веду. В наших краях лето короткое, земля тяжёлая. Посеешь на ущербную — всё в гниль да в пустоцвет уйдёт. Нужно точно знать, в какую ночь вода силу в корень тянет, а в какую — наверх.

— Надо же, вы сами от руки чертите, — улыбнулась Вера. — У меня мама тоже всегда с лунным календарём сверяется, только в киоске отрывной покупает.

— В киосках для ленивых печатают, кто на небо голову задрать ленится, — фыркнула Лидия, наливая из пузатого заварника густой, янтарный травяной взвар в фаянсовые чашки с синими васильками. — Садитесь давайте, нечего стены разглядывать. Небось утрясло в автобусе-то, на наших кол-

добинах.

За обедом разговор потёк спокойнее. Лидия сама почти не притрагивалась к еде — только мелкими глотками пила обжигающий травяной чай из блюдца и внимательно, не перебивая, слушала, как Вера рассказывает про практику в питомнике и свои чертежи.

— Значит, к земле руки лежат, — задумчиво проговорила старуха, отставляя пустое блюдце без единого стука. — А за что ты её любишь, землю-то? Грязь ведь, да спина к вечеру колом.

— За то, что она честная, — не задумываясь ответила Вера. — И за то, как многолетники весной просыпаются. Осенью смотришь на участок — всё чёрное, мёртвое, морозом выжженное, кажется, ничего уже не взойдёт. А снег сойдёт — и из самой мёрзлой глины живой зелёный росток пробивается.

Лидия медленно кивнула, и лицо старухи смягчилось:

— Земля — она терпеливая, девочка. Своего часа ждать умеет. Это люди всё суетятся, всё норовят раньше срока заглянуть да сковырнуть. А у каждого семени в роду свой черёд положен. Раньше времени не проклюнется, а когда час пробьёт — хоть камнем сверху завали, всё одно наружу выйдет.

Вера хотела ответить, но случайно перевела взгляд на Михаила — и осеклась. Он сидел, опустив глаза в тарелку, и так сильно стиснул край дубовой столешницы, что побелели

ногти.

— А ваш сад вы с дедушкой сажали? — мягко перевела тему Вера, интуитивно пытаясь снять непонятное напряжение.

— С ним, с Колей, — Лидия посмотрела в окно на залитые солнцем яблони, и у её глаз впервые собрались мелкие, тёплые лучики морщин. — Как сошлись молодыми, так в ту же весну и заложили. Люблю я сад. В саду смерть не страшна — там всё по кругу идёт.

После обеда, когда они вышли на залитое предвечерним солнцем крыльцо, Вера шумно перевела дух:

— Фух… Она у тебя потрясающая, Миш. Правда. Но у меня всю дорогу спина мокрая была — такое чувство, что она читает мысли раньше, чем я их подумать успеваю.

Михаил шагнул в густую траву под старой раскидистой яблоней, подпрыгнул, схватившись за нижний сук, и сорвал крупное, тёмно-бордовое, будто лакированное яблоко.

— Привыкай, — усмехнулся он, обтирая плод о рукав свитера. — Она очень много пережила на своём веку. Больше, чем обычному человеку положено знать.

— А сколько ей сейчас лет, кстати?

Михаил замялся:

— По паспорту — семьдесят восемь. Только в войну в сельсовете метрики горели, ей потом на глаз записывали. Сама она про года никогда не говорит.

Он легко, одним движением сильных пальцев разломил

тугое яблоко ровно пополам — с сочным, звонким хрустом — и протянул половинку Вере. Мякоть на сломе светилась розоватым сахаром и пахла мёдом.

— Какое вкусное! — восхитилась Вера, вытирая выступивший на губах сок.

— Дедовский сорт. «Северная зорька». Никаких морозов не боится, — Михаил улыбнулся, беря её за свободную руку. — Пойдём, покажу тебе свой чердак, а потом на озеро сбегаем, пока солнце не село.

Узкая деревянная лесенка из сеней круто вела наверх, под самую тесовую крышу, отзываясь под шагами уютным, сухим поскрипыванием. В маленькой светелке с низким скошенным потолком пахло нагретой сосной и старыми книгами. За единственным нешироким оконцем сразу за плетнём начиналась тёмно-зелёная, почти синяя чаща бора.

На заправленной синим байковым одеялом железной кровати лежали две взбитые подушки в накрахмаленных наволочках, на полке ровной шеренгой стояли склеенные в детстве модели самолётов и грузовиков, а на углу старого письменного стола Вера разглядела глубоко прорезанные перочинным ножиком буквы: «М. Р.».

— Тут совсем как в музее, — улыбнулась Вера, проводя ладонью по гладкому дереву столешницы. — Ни пылинки.

— Бабушка каждую неделю прибирает, — Михаил опустился на край кровати, отчего панцирная сетка тихонько звякнула. — Я ей сколько раз говорил: «Убери ты эти ма-

шинки в сундук», а она ни в какую. Говорит, пока вещи на месте стоят — хозяин в дом дорогу не забудет.

Вера подошла к окну. Верхушки сосен напротив уже горели густой закатной медью, а внизу, у корней, сгущались первые прохладные сумерки.

— И не страшно тебе тут маленькому было спать? Лес ведь прямо в стекло заглядывает.

— В детстве наоборот тянуло, — Михаил смотрел на её освещённый рыжим солнцем профиль. — Лежал, слушал, как ветки шумят, и всё думал: вырасту, уеду отсюда за тридевять земель, чтобы этих сосен век не видеть.

— А сейчас? — Вера обернулась, подошла к кровати и села вплотную к нему, положив руки ему на плечи.

Михаил поднял к ней лицо, обхватил ладонями её талию и прижался лбом к её груди.

— А сейчас сижу и думаю, что всё самое главное в моей жизни уже здесь, в этой комнате, — произнёс он.

К озеру они спускались по еле заметной, заросшей папоротником и брусничником тропке, начинавшейся сразу за баней. Стоило сделать двадцать шагов под своды сосен, как деревенский мир остался позади: здесь не пели птицы, только высоко-высоко в макушках глухо, как морской прибой, гудел верховой ветер да мягко пружинил под ногами вековой слой бурой хвои.

Минут через десять стволы расступились, и тропинка оборвалась у пологого песчаного берега.

Озеро лежало в глубокой лесной котловине идеально круглой, правильной чашей. Ветра внизу не было совсем, и неподвижная, чёрная от торфяной глубины вода отражала багровые вечерние облака и зубчатый частокол елей на том берегу с такой пугающей чёткостью, будто под ногами разверзлось второе небо.

— Господи, красота какая… — прошептала Вера, боясь говорить громко в этой первозданной тишине. — Только вода совсем тёмная, дна уже в двух шагах не видно.

— Тут глубина сразу от берега метров на десять уходит, — Михаил подошёл к самой кромке, где мелкая волна лениво лизала корни сосен. — Вода ключевая, со дна родники бьют. Отец меня тут в шесть лет с лодки на середине скинул — так и научил держаться. А бабушка сюда до сих пор почти каждый вечер приходит. Посидит на коряге, на воду посмотрит — и назад.

— Одна? В сумерках в такую глушь? — удивилась Вера. — Тут же заблудиться или оступиться с обрыва ничего не стоит.

— Она это озеро с закрытыми глазами переплывёт, — обронил Михаил, и снова в его голосе мелькнула та настороженная нота, которую он тут же смахнул, наклоняясь к шнуркам. — Ну что, слабо искупаться? Август на исходе, завтра уже не залезешь!

Вера со смехом стянула кеды, подвернула джинсы и шагнула по упругому мокрому песку в воду. Обжигающий ледя-

ной холод мгновенно охватил щиколотки.

— Ой, мамочки! Да она же просто ледяная!

— В самый раз, бодрит! — Михаил в одно движение стащил через голову свитер с футболкой, сбросил ботинки и с разбегу, подняв фонтан серебряных брызг, ушёл с головой в чёрную гладь.

Вера вскрикнула, закрываясь руками от ледяного душа, а через несколько секунд он вынырнул метрах в пяти от берега — мокрый, широко улыбающийся, смахивая ладонью воду с лица:

— Иди сюда, не бойся! Тут у берега мелко, я подержу!

И Вера решилась. Скинув на песок одежду и оставшись в белье, она с визгом бросилась в обжигающую воду, прямо в его раскрытые, горячие руки. Сначала от ледяного удара перехватило дух, а потом тело охватил невероятный жар. Они плавали в тёмном зеркале посреди засыпающего леса, брызгались, смеялись во весь голос, распугивая эхо по берегам, и Вера видела, как с лица Михаила окончательно сходит вся городская хмурость — сейчас он был просто девятнадцатилетним счастливым парнем, влюблённым и живым.

Устав, Вера раскинула руки и легла спиной на воду, глядя в темнеющее лиловое небо, где уже проступала первая бледная звезда. Михаил подплыл сбоку, легко придерживая её ладонью под поясницу, чтобы не тянуло на глубину.

— Если бы твоя бабушка не смотрела на меня так, будто знает всю мою жизнь на двадцать лет вперёд, я бы решила,

что мы попали в рай, — призналась Вера, переводя дыхание.

— Она тебя пугает?

— Нет. Не пугает. Просто… вокруг неё и вокруг этого дома будто какой-то невидимый забор стоит, Миш. С замками. И ты сам, когда сюда приезжаешь, эти замки проверяешь.

Михаил помолчал, глядя на чёрную воду у её плеча.

— Не трогай эти замки, Вер, — попросил он вполголоса. — Пусть висят. Нам с тобой за них ходить незачем.

Вера не стала расспрашивать. Она перевернулась в воде, обвила руками его мокрую, крепкую шею и поцеловала его в холодные, пахнущие ключевой водой и брусникой губы.

К сумеркам они вернулись во двор. Пока Лидия управлялась у печи, Михаил взялся колоть сосновые чурбаки за дровяником. Вера устроилась рядом на перевёрнутом ведре, поджав ноги под длинную юбку, и заворожённо смотрела, как он работает. Влажная от пота серая футболка плотно облепила его широкие лопатки, колун со свистом описывал в вечернем воздухе блестящую дугу и с сухим, пушечным треском разваливал смолистую плаху надвое.

— У тебя прямо промышленные масштабы, — улыбнулась она.

Михаил со стуком вогнал лезвие топора в колоду и вытер лоб предплечьем, переводя дыхание:

— Надо на всю зиму заготовить, пока мы здесь. Сдала бабушка за этот год, Вер. Сильно сдала. Раньше я за топор возьмусь — она из окна кричит, что я поленья криво ставлю и

спину сорву, сама норовила переколоть. А сегодня сама колун у порога положила. Видно, руки уже не те.

— Может, её в город на зиму забрать? Или к врачу свозить?

— Она из этого леса живой никуда не уедет, — покачал головой Михаил и снова размахнулся колуном.

Вера молча поднялась с ведра, натянула лежавшие на поленнице старые брезентовые рукавицы и принялась подбирать расколотые золотистые поленья, аккуратно укладывая их в высокий ряд под навесом.

— Смолой все руки залепишь, брось, — буркнул Михаил, останавливаясь.

— Я дочка лесопильщика, Миша, меня дровами не испугаешь, — отмахнулась она, ловко подбивая полено к полену.

Он долго смотрел на то, как уверенно снуют её тонкие руки, и во взгляде его стояла такая беззащитная, щемящая благодарность, что у Веры потеплело в груди.

К ужину из-за леса наползла грозовая туча, и в старых проводах отключилось электричество. Лидия, не сказав ни слова, достала с полки пузатую семилинейную керосиновую лампу с чистым стеклянным пузырём и чиркнула спичкой. Тёплый, живой рыжий огонёк мягко качнулся, залив бревенчатые стены глубокими бархатными тенями. Ели горячую рассыпчатую картошку с жареными лисичками, хрустели малосольными огурцами с укропом и пили чай с брусникой.

Когда Михаил вышел с фонарём во двор проверить засов

на сарае, Вера осталась у рукомойника вытирать полотенцем вымытые тарелки.

— Любишь его, значит? — спросила Лидия, стоя спиной к ней у эмалированного таза.

Вера замерла с фаянсовой чашкой в руках:

— Очень люблю, баба Лида.

Старуха вытерла сухие, узловатые руки о тёмный передник и медленно повернулась к ней. В неверном, колеблющемся свете керосинки её глубоко посаженные глаза казались совсем чёрными, без дна, и светилась в них такая древняя, неженская мощь, что у Веры невольно побежали мурашки по затылку.

— Это хорошо, что любишь, — сказала Лидия. — Мишке одному нельзя. Сгинет он один. Ему человек рядом нужен такой, чтоб корнями в землю держался. Надолго. Что бы ни стряслось.

— А что может стрястись? — осторожно, почти шёпотом спросила Вера.

— Жизнь — она вообще штука нелёгкая, девочка, — размеренно ответила Лидия, глядя ей прямо в зрачки. — А возле нашего рода — втройне тяжелее. Только он того стоит. У него сердце дедово — чистое. Держись за него, Вера. Даже когда страшно станет — держись.

Снаружи на крыльце застучали тяжёлые сапоги Михаила, обивающего грязь, и Лидия спокойно отвернулась к печи, давая понять, что разговор закрыт.

Поздно ночью, когда дом затих, они с Михаилом ещё долго сидели вдвоём на верхней ступеньке крыльца, укутавшись с головой в одно тяжёлое лоскутное одеяло. После грозы воздух стал стеклянно-чистым, пахло мокрой полынью и антоновкой, а над чёрными пиками сосен высыпали огромные, колючие августовские звёзды. Где-то далеко в чаше леса глухо ухал филин.

— Ты о чём задумалась? — прошептал Михаил, согревая дыханием её висок.

— Бабушка твоя сегодня на кухне странную вещь сказала, — призналась Вера, теснее прижимаясь к его горячему боку. — Сказала, что рядом с вашим родом жить втройне тяжелее, но чтобы я за тебя держалась, даже когда страшно станет. Миш… почему она так говорит? Чего я должна бояться?

— Старый человек, Вер, — голос его прозвучал тускло, почти заученно. — Она за пятьдесят лет похоронила мужа, потом единственного сына с невесткой в один день. Вот ей и кажется, что над домом рок какой-то висит. Боится, что и я один останусь.

Она просто повернула голову и положила ладонь ему на грудь, прямо туда, где ровно и сильно билось его сердце:

— Не останешься. Я никуда от тебя не уйду, Миша.

Он стиснул её в объятиях так отчаянно и крепко, что у неё заныли рёбра.

Утро выдалось молочно-туманным и росистым. Когда Вера спустилась со второго этажа, на кухне уже вовсю треща-

ли берёзовые поленья в подтопке и одуряюще пахло сдобой и томлёной черникой. Лидия, закатав рукава кофты, споро раскатывала деревянной скалкой пышные золотистые сочни.

— Доброе утро! Вы хоть ложились сегодня? — ахнула Вера.

— На том свете выспимся, — беззлобно буркнула старуха, поддвигая к ней глиняное блюдо, полное румяных, истекающих синим ягодным соком пирожков. — Садись давай, уминай, пока с пылу с жару. До города дорога долгая.

Тесто таяло во рту, как пух.

— Господи, я в жизни такого теста не пробовала! В чём секрет?

— Дрожжи суеты не терпят, — Лидия вытерла руки о фартук. — Им выстояться в тепле надо, силу набрать. Поспешишь — подошву сырую получишь. Во всём в жизни выдержка нужна, Вера.

Когда перед уходом Михаил вынес рюкзаки за калитку, Лидия задержала Веру в сенях за локоть и сунула ей в ладонь тугой, перетянутый суровой ниткой холщовый узелок, от которого сухо пахло землёй и травой:

— На вот, спрячь в карман. Корневища и семена флоксов моих, сиреневых. Я видела, как ты на них вчера глядела. Они живучие, на любой глине примутся.

— Баба Лида, спасибо вам огромное! — Вера просияла и, не удержавшись, порывисто обняла прямую старуху за плечи.

Лидия застыла от неожиданности, а потом её шершавая, жёсткая ладонь коротко и весомо легла Вере на лопатки, прижимая к себе.

— Сажай, девочка, — напутствовала она вполголоса. — Скоро у тебя свой сад будет. И помни моё слово: что бы вокруг ни стряслось, какой бы пал по земле ни прошёл — ты всё одно сажай. Даже если покажется, что всё выгорело до чёрной золы. Земля отойдёт и заново даст росток. Только руки не опускай.

— Спасибо вам за всё, — шепнула Вера.

— Тебе спасибо. Что не спугнулась нашего угла. Не всякая бы городская тут ночь высидела.

Они шли по просёлочной колее к трассе. Утреннее солнце уже пробило туман, зажигая в мокрой паутине на иван-чае тысячи радужных капель. Когда Вера обернулась на повороте, высокая, прямая фигура в тёмном платке всё так же неподвижно стояла у калитки, провожая их долгим взглядом.

На середине дороги Михаил вдруг остановился, опустил рюкзак на обочину и посмотрел на Веру — долго, серьёзно, прищурившись от яркого света.

— Ты чего? — спросила она, сжимая в кармане ветровки тёплый мешочек с семенами флоксов.

— Знаешь, о чём я вчера думал, когда ты дрова со мной складывала? — признался он. — После того как родители погибли, мне этот дом три года казался склепом. Приезжал сюда как на каторгу — стены давили, тишина звенела в ушах.

А вчера ты ходила по комнатам, смеялась на озере, с бабушкой спорила про цветы… И дом будто задышал заново. Стал просто домом.

У Веры защипало в глазах от горячей волны нежности. Она шагнула к нему и уткнулась лицом в его шею:

— Я очень хочу, чтобы когда-нибудь он стал и моим домом тоже, Миш.

— Станет, — твёрдо пообещал он, целуя её в макушку. — Обязательно станет.

А вдалеке, за зубчатым поворотом соснового бора, уже надсадно ревел мотором и стрелял глушителем старый утренний ПАЗик.

Глава 3

Утренний кофе отдавал тиной и гарью.

Вера замерла над раковиной в тесной кухоньке Олиной квартиры, куда заглянула перед утренней консультацией по диплому, и судорожно вцепилась пальцами в край столешницы. Спазм тошноты подкатил к горлу резко, без предупреждения, выбив из лба холодную испарину. Фарфоровая чашка в дрогнувшей руке тонко звякнула о чугунную эмаль мойки, расплескав тёмные капли.

Оля, сидевшая на подоконнике в махровом халате с тонкой сигаретой в пальцах, прищурилась сквозь сизый дым:

— Вер, ты чего? На тебе лица нет, вся зелёная стала.

Вера медленно, боясь сделать лишний вдох, опустила чашку в раковину и открыла кран с холодной водой, чтобы перебить преследующий запах. Перед глазами плыли мутные круги. А в голове, словно щёлкнули костяшками старых счётов, всё встало на свои места: странная сонливость всю последнюю неделю, отвращение к запаху жареного лука в столовой и задержка — уже одиннадцать дней, которые она беспечно списывала на январские морозы, нервотрёпку с преддипломной практикой и переезд с Мишей из общежития в маленькую съёмную «однушку» на окраине.

— Да так… — Вера провела мокрой ладонью по губам и вискам. — Кажется, твой табачный дым сегодня не пошёл.

Побегу я, Оль, а то научрук голову снимет.

До вечера она ходила по институту как сквозь вату, не слыша чужих голосов, а по дороге домой свернула в дежурную аптеку у трамвайного кольца.

В их съёмной квартире на первом этаже было тихо и прохладно — чугунные батареи едва теплились, а из щелей в старых рамах тянуло январской стужей. В прихожей мерно, тяжело стучали ходики.

Вера сидела на бортике старой эмалированной ванны, поджав под себя озябшие ноги в шерстяных носках. На выщербленном кафеле прямо перед ней лежала узкая бумажно-пластиковая полоска. Две линии. Яркие, чёткие, беспощадно-малиновые. Вода из неплотно прикрученного крана срывалась с глухим звоном — кап, кап, кап, — а Вера всё смотрела и смотрела вниз, словно от её взгляда вторая полоска могла раствориться. Конец января. Значит, рожать в самом конце августа, прямо к началу осени.

В прихожей гулко щёлкнул английский замок. В квартиру ворвался клуб морозного пара, зашуршала снимаемая с плеч тяжёлая куртка, глухо стукнули об пол рабочие ботинки.

— Вер? — Михаил постучал согнутым пальцем в тонкую филёнчатую дверь ванной. — Ты чего там заперлась? Свет в коридоре даже не зажгла. Всё нормально?

Она попыталась ответить, но пересохшее горло перехватило спазмом — вырвался только короткий, прерывистый вздох.

— Вера?

Дверная ручка тут же нажалась, шпингалет она задвинуть забыла. Михаил шагнул на порог — ещё в пропахшем зимней улицей и машинным маслом свитере, с красными с мороза скулами. Одного взгляда на её побелевшее лицо и огромные, полные застывших слёз глаза ему хватило, чтобы мгновенно оказаться рядом. Он опустился перед ней на корточки на холодный кафель, накрыл своими большими, ещё не согревшимися ладонями её острые колени.

— Что стряслось? — голос его прозвучал низко и тревожно. — Болит что-то? Напугал кто? Говори, родная.

Вера молча опустила глаза на пол и кончиком пальца подвинула к его колену пластиковую полоску.

Михаил проследил за её движением. Взял тест в пальцы. Несколько секунд в тесной ванной стояла такая плотная тишина, что Вера слышала, как глухо стучит кровь в её собственных висках. Она со страхом следила за его лицом, ожидая чего угодно — растерянности, шока, досады оттого, что всё так невовремя. Но жёсткая складка между его бровей вдруг медленно разгладилась. Тёмные глаза расширились, он перевёл взгляд с теста на её живот, потом в её лицо — и он улыбнулся — широко, обезоруживающе, по-мальчишески; такой улыбки она не видела у него за все четыре с лишним года.

— У нас… — голос его сорвался на шёпот. — Это правда?

— Правда, — одними губами выдохнула Вера.

И тут плотина внутри рухнула: она качнулась вперёд, уткнулась мокрым лицом в его жёсткий, колючий свитер на плече и разрыдалась в голос — от перехватывающего дух страха, от облегчения, от огромной, неподъёмной взрослости, которая только что опустилась на них обоих. Михаил подхватил её под спину, сгрёб в охапку прямо на полу, прижимая к себе так тесно, словно пытался спрятать внутри собственной грудной клетки, и Вера щекой почувствовала, как мелко и часто вздрагивает его подбородок у её макушки.

— Мишенька, мне так страшно… — захлёбываясь слезами, шептала она в шерстяную вязку. — Нам по двадцать два, диплом только летом, квартира чужая, денег в обрез… Мы даже не женаты ещё, как мы его поднимем?!

— Тише, тише, глупая, — он отстранил её чуть-чуть, обхватил ладонями её мокрое, горячее лицо и заставил посмотреть себе в глаза. Он смотрел на неё твёрдо и спокойно. — Слышишь меня? Руки-ноги целы, голова на плечах есть. В мастерской на полную ставку перейду, диплом защитим, распишемся хоть в марте. Мы вдвоём, Вер. Всё вытянем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.